

"КОГДА МНЕ ПЛОХО, Я БЕРУ

Валерий ПРИЕМЫШОВ:

В РУКИ КНИГУ"

— Обожаю читать детективы. Это лучшее лекарство от плохого настроения. Как человек старомодный, больше люблю зарубежную, проверенную временем классику жанра — Агату Кристи, Чейза, Сименона. Хотя и русский детектив набирает сегодня силу — имею в виду яркие произведения Александра Бушкова, Александра Афанасьева, первые книги (далее, увы, хуже) Александры Марининой...

— Впрочем, ты ведь не только читатель, но еще и писатель, выпустивший недавно в издательстве "Самовар" книгу для детей "Двое с лицами малолетних преступников", о которой восторженно успел отозваться Юрий Никулин... Раньше ты писал сценарии, теперь вот занялся "чистой" литературой. Что, "года к суровой прозе клоняет"?

— Ты согласишься, как все журналисты. Когда я впервые снялся в кино многие твои коллеги тоже недоумевали: мол, был себе неплохой сценарист, так его, видите ли, в кино сняться потянуло. А я ведь, между прочим, до работы в кино театральный институт закончил, на сцене успел поработать. Так что на экране появился не случайно и не вдруг. То же и с писательством. Приехав из провинции "заоевывать Москву", поступал параллельно на сценарный факультет ВГИКа и в Литературный институт. И прошел конкурс в оба вуза. После мучительных колебаний выбрал ВГИК. Потому что к тому времени уже писал сценарии для телевидения, знал немножко мир кино. А именоваться писателем — это в моем тогдашнем представлении очень много значило. И я побоялся связать свою судьбу с литературой. Хотя первый свой рассказ опубликовал еще в шестом классе. Назывался он "Билет", и был посвящен кино. Правда, я тогда еще не подозревал, что буду иметь отношение к десятой музе, что она так увлечет...

— Сценарий для тебя — это род литературы или все же некое "сырье" для будущего фильма?

— Хороший сценарий — это всегда литература. Причем один из самых ее сложных видов. В полтора часа экранного времени надо вбить сюжет, желательнo оригинальный, обрисовать характеры, лучше глубокие, сделать запоминающийся диалог, хорошо бы при этом лаконичный... Правда, сценаристы, как, впрочем, и актеры, — люди в кино бесправные, от их замыслов на экране нередко остаются "рожки да ножки".

— Не потому ли многие из вас уходят в литературу?

— Мне тут один писатель на днях довольно ревниво бросил реплику, что, мол, актеры нынче в массовом порядке подались в писатели, кто же теперь, дескать, в театре играть будет? Пришлось его утешить, что Шекспир, Мольер, Булгаков, как известно, и чести актерской не посрамили, и пьесы не самые плохие писали. Я себя с великими не сравниваю, но желание выпустить книжку зрело у меня давно. Раньше, правда, это трудно было сделать. Ты ведь помнишь все эти "заморочки" прошлых лет? Если закончил режиссерский факультет ВГИКа — имеешь право снимать кино. Закончил сценарный — пиши всю жизнь сценарии, а в режиссуру — ни ногой. Тем более — не суйся в писательские дела, где свои

правила игры, своя, извини, мафия.

Благословил меня на занятия литературой Эдуард Успенский, который одно время был главным редактором киностудии имени Горького. Он прочитал мой сценарий "Князь Удача Андреевич" и сказал: "Валерий, что вы делаете в кино? Помните: ваше место — в детской литературе". Разговор этот состоялся лет пятнадцать назад, а первую свою книжку, как видишь, я выпустил только теперь.

— Приятно?

— Не то слово. Когда она вышла из типографии, я ее часами разглядывал, обнюхивал. Вроде сыграл десятки ролей, написал немало сценариев, но книжка — это книжка. МОЯ книжка.

— Несмотря на то, что в твоих повестях присутствует современный антураж, поднимаются современные проблемы, мне показалось, ты поделился пережитым много-много лет назад...

— Это так. Никуда не денешься от своего мироощущения, жизненного опыта. Да и возраст диктует... Люди постарше, как известно, могут запоминать, что случилось пять лет назад, но прекрасно помнят, что произошло, когда им было пять лет.

— Ты в свои пятьдесят четыре года что-то рано записываешься в старики...

— Но и не под юношу же мне "косить". Хотя книга адресована как раз юношеству. Дефицит такой литературы, как мне кажется, всегда был ощущим в нашей стране. Ведь даже признанная наша классика — скажем, трилогия Льва Толстого, "Детские годы Багрова-внука" Аксакова — это все "взрослые" вещи. Мне же хотелось написать книгу не только серьезную, но и увлекательную, наполненную всевозможными событиями, приключениями, тайнами. Судя по первым отзывам ребят (а их мнению я дорожу больше, чем оценками взрослых), мне это в какой-то мере удалось.

— И что дальше? Уходишь из кино и начинаешь писать детские книги?

— И рад бы, да кинематографические грехи не пускают. Есть у меня в запасе один замечательный, документальный, к слову говоря, сюжет про длинное, в 1000 километров, путешествие по тайге. Со стрельбой, приключениями, опасностями. Казаюсь бы, сиди и пиши. Но надо накопить денег на жизнь. За свою книгу, которую я вынашивал много лет и еще год сидел за письменным столом, получил гонорар, который на порядок меньше того, что платят в кино. Так что писательство сегодня — занятие себе в убыток. Вот закончу давно обещанные сценарии, снимусь в парочке фильмов — и обязательно засяду за новую книгу.

Вал беседу
Леонид ПАВЛУЧИК.
Фото автора.

— Валерий, давай не станем скрывать от читателей, что мы давно с тобой знакомы. Очень люблю твои роли в "Пацанах", "Холодном лете пятьдесят третьего", порадовал меня твой фильм "Мигранты", где ты и актер, и сценарист, и режиссер. Мы много раз общались с тобой по поводу кино, давай сегодня поговорим о литературе, о книгах...

— Давай. Тем более, что вся моя жизнь — с фильмами, сценариями, ролями, скитаниями по жизни, влюбленностями, женитьбами, разводами — это и результат прочитанных мною книг.

— Ну вряд ли книги побуждают к тому, чтобы разводиться с женой...

— Может, мы с тобой просто разных авторов читали?

— Похоже... Но шутки в сторону. Понятно, что в детстве, юности книги и впрямь нас формируют, лепят. А в зрелом возрасте? Скажи: сегодня находишь время читать?

— Если б я не читал, не знаю, как бы жил. Когда мне очень плохо, когда не идут дела, когда мутно на душе и в голове после вчерашнего, беру в руки книгу. И, как правило, излечиваюсь от хандры.

— А что читаешь?

— Да все подряд. Я с возрастом дошел уже до того, что мне нравится сам процесс чтения. Прожил я как-то целый месяц в небольшой деревушке, в шестистах километрах от Москвы, так там, представляешь, ни одной книги найти было нельзя. И вот я однажды раздобыл газету, в которую селенку заворачивали, сел на крыльце и с таким кайфом стал изучать ее! Люди проходили — пальцем у виска крутили...

— А если серьезно?

— А если серьезно, то книжный рынок сегодня вон какой богатый — есть чтение на любой вкус. Из художественной литературы перечитывал недавно Гоголя, Достоевского — это "мои" писатели. Но больше времени провожу сегодня за научной, философской литературой. Запоем читаю и перечитываю Льва Гумилева, Леонтьева, Розанова, Бердяева, Аксаковых. После них все происходящее на телеэкранах кажется такой непроходимой глупостью... К слову говоря, на фоне русской философии, православной духовной литературы как-то враз померк для меня экзистенциализм, другие модные течения философской мысли, которыми, помнишь, мы так увлекались в юности.

— Послушать тебя, так ты читаешь только серьезную литературу. До чего-нибудь легкого иногда снисходишь?